

УДК 159.9

EDN HLEAWR

<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2023-5-2-236-246>

Дискуссионная статья

Экзистенциальные основы смыслового контекста инклюзивной среды музея

С. Т. Посохова^{✉1}, А. И. Извеков², М. Х. Изотова³, И. К. Малкиель⁴

¹ Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9

² Северо-Западный государственный медицинский университет имени И. И. Мечникова,
195067, Россия, г. Санкт-Петербург, Пискаревский пр., д. 47

³ Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет,
194100, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Литовская, д. 2

⁴ Лаборатория научной реставрации драгоценных и археологических металлов Государственного Эрмитажа,
190000, Россия, г. Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 34

Сведения об авторах

Светлана Тимофеевна Посохова, SPIN-код: [9016-2796](#), ORCID: [0000-0001-5172-6774](#), e-mail: svetpos@mail.ru

Аркадий Игоревич Извеков, SPIN-код: [8566-3429](#), ORCID: [0000-0003-2392-8023](#), e-mail: arkady.izvekov@gmail.com

Маргарита Хаджумаровна Изотова, SPIN-код: [3083-3905](#), ORCID: [0000-0001-6085-1913](#), e-mail: izotova.margarita@gmail.com

Игорь Карлович Малкиель, e-mail: jewlab@hermitage.ru

Для цитирования: Посохова, С. Т., Извеков, А. И., Изотова, М. Х., Малкиель, И. К. (2023) Экзистенциальные основы смыслового контекста инклюзивной среды музея. *Психология человека в образовании*, т. 5, № 2, с. 236–246. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2023-5-2-236-246> EDN HLEAWR

Получена 7 ноября 2022; прошла рецензирование 26 декабря 2022; принята 26 декабря 2022.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © С. Т. Посохова, А. И. Извеков, М. Х. Изотова, И. К. Малкиель (2023). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях [лицензии CC BY-NC 4.0](#).

Аннотация

Введение. В статье проанализированы экзистенциальные истоки смыслового аспекта инклюзивной среды музея. Отмечена роль экзистенциального переворота в понимании предназначения музейной среды. Музей как уникальная форма культуры выполняет ряд уникальных функций и обладает широким идентификационным потенциалом. К основным функциям современного музея относятся собрание, сохранение и трансляция культурного наследия, а также формирование смысловой сферы личности.

Материалы и методы. Раскрывают возможности конструирования инклюзивной среды музея в Государственном Эрмитаже во время выставки «Незримое искусство: расширяя границы возможного». Выставка предназначена для ориентации в языке изобразительного искусства лиц с нарушениями зрения. Экспонаты визуально и тактильно были доступны для посетителей с ограниченными возможностями здоровья и без таких ограничений. Демонстрировались специально созданные тактильные модели мировых шедевров: автопортрет Рембрандта (Лейденская коллекция, США), отдельные сцены настенной живописи «Битва Амазонок» (древний Пенджикент), фрагменты древнейшего войлочного ковра (IV–III вв. до н. э., Пазырык), войлочная фигурка лебедя (древний Алтай). Эмпирический материал получен на основании контент-анализа 104 свободных отзывов разных посетителей выставки.

Результаты исследования. Описано содержание личностного смысла инклюзивной выставки. Выявлены аксиологический, инклюзивный, уникальный, сенсорный, эмоциональный, познавательный и эстетический смыслы, отражающие социальную и психологическую суть инклюзии в музейной среде. Каждый смысл проиллюстрирован записями посетителей выставки. Значительная часть отзывов отражает ценностный и инклюзивный смысл выставки. Ценностный смысл раскрывается в благодарностях, которые содержатся в отзывах. Аксиология благодарности передает наиболее

существенные для личности моменты восприятия окружающей реальности. В содержании отзывов прослеживался инклюзивный смысл выставки — объединение людей с разными возможностями здоровья в специально подготовленной среде музея, возникновение общности между ними, появление точек сближения и взаимного понимания.

Заключение. Полученный материал восполняет дефицит смыслового анализа социальной инклюзии. В обсуждении результатов определяется одна из ключевых функций инклюзивной музейной среды — формирование смыслового контекста инклюзии, сближающего лиц с разными возможностями здоровья.

Ключевые слова: экзистенциальный переворот, смысл, музей, инклюзия, инклюзивная среда музея, инклюзивная культура

Discussion article

Existential foundations of the semantic context of the inclusive environment of the museum

S. N. Posokhova^{✉1}, A. I. Izvekov², M. Kh. Izotova³, I. K. Malkiel⁴

¹ Saint-Petersburg State University, 7/9 Universitetskaya Emb., Saint Petersburg 199034, Russia

² North-Western State Medical University named after I. I. Mechnikov, 47 Piskarevsky Ave., Saint Petersburg 195067, Russia

³ Saint-Petersburg State Pediatric Medical University, 2 Litovskaya Str., Saint Petersburg 194100, Russia

⁴ Laboratory of Scientific Restoration of Precious and Archaeological Metals of the State Hermitage Museum, 34 Palace Square, Saint Petersburg 190000, Russia

Authors

Svetlana T. Posokhova, SPIN: [9016-2796](#), ORCID: [0000-0001-5172-6774](#), e-mail: svetpos@mail.ru

Arkadii I. Izvekov, SPIN: [8566-3429](#), ORCID: [0000-0003-2392-8023](#), e-mail: arkady.izvekov@gmail.com

Margarita Kh. Izotova, SPIN: [3083-3905](#), ORCID: [0000-0001-6085-1913](#), e-mail: izotova.margarita@gmail.com

Igor K. Malkiel, e-mail: jewlab@hermitage.ru

For citation: Posokhova, S. N., Izvekov, A. I., Izotova, M. Kh., Malkiel, I. K. (2023) Existential foundations of the semantic context of the inclusive environment of the museum. *Psychology in Education*, vol. 5, no. 2, pp. 236–246. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2023-5-2-236-246> EDN HLEAWR

Received 7 November 2022; reviewed 26 December 2022; accepted 26 December 2022.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © S. N. Posokhova, A. I. Izvekov, M. Kh. Izotova, I. K. Malkiel (2023). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC License 4.0](#).

Abstract

Introduction. The article analyzes the existential origins of the semantic aspect of the museum's inclusive environment. The authors note the role of the existential revolution in the understanding of the purpose of the museum environment. The museum is a unique form of culture which performs a number of unique functions and has a wide identification potential. The main functions of the modern museum include the collection, preservation and transmission of cultural heritage as well as the formation of the semantic sphere of the individual.

Materials and Methods. The materials and methods reveal the possibilities of construction of an inclusive museum environment in the State Hermitage during the exhibition “Invisible Art: Expanding the Boundaries of the Possible”. The exhibition aims to facilitate orientation in the language of visual arts for people with visual impairments. The exhibits were visually and tactilely accessible to visitors with and without disabilities. Tactile models of world masterpieces were created especially for the exhibition. The empirical material was obtained on the basis of content analysis of 104 voluntary free reviews of various visitors of the exhibition.

Results. A significant part of the reviews reflects the value and inclusive meanings of the exhibition. The results of the study show the content of the personal meaning of an inclusive exhibition. Axiological, inclusive, unique, sensory, emotional, cognitive and aesthetic meanings are revealed, reflecting the social and psychological essence of inclusion in the museum environment. Each meaning is illustrated by the visitors' illustrated by the visitors' reviews of the exhibition.

Conclusions. The material obtained fills the vacuum in the semantic analysis of social inclusion. In the discussion of the results, one of the key functions of the inclusive museum environment is determined—i. e., the formation of a semantic context of inclusion and bringing together people with different health status.

Keywords: existential revolution, meaning, museum, inclusion, inclusive environment of the museum, inclusive culture

Введение

Социокультурная трансформация мира, происходящая в последние десятилетия, приняла буквально ошеломляющий масштаб. Возникший спектр вызовов, обращенных к политико-государственным системам и личности, беспрецедентен. Отсутствие единой методологической платформы для интерпретации направленности динамики социальных институтов провоцирует стагнацию во многих практических областях. В значительной степени это касается структур, обеспечивающих полноценное включение личности в институциональный строй культуры.

Историческая ретроспектива показывает, что один из наиболее мощных исходных импульсов современного состояния общества и личности заключен в кризисе европейской культуры рубежа XIX–XX столетий. Каковым бы ни было наше восприятие событий более чем столетней давности, важнейшим последствием этого кризиса стал так называемый экзистенциальный переворот, трансформировавший глубинные основы структуры личности. Его косвенное признание произошло только в процессе осознания итогов первой половины XX в. Во второй половине XX столетия реакция на данную трансформацию спонтанно отразилась в виде декларации прав человека, представлений о новой сути демократии, реформ политических институций, структур образования и воспитания. Однако глубокого анализа причин возникновения столь широкого спектра новаций в социальных институтах, связанных с трансформацией внутренних структур личности, не произошло, хотя этот вопрос особенно актуален, поскольку вместе с социальными трансформациями существенно изменилось и понимание предназначения музейной среды, которая обращена именно к внутреннему миру личности.

Музей XIX века как продолжение идей эпохи Просвещения и музей начала XXI столетия радикально различаются. К основным функциям музея (собрание, сохранение, трансляция культурного наследия человечества) сегодня добавилась еще одна — формирование смысловой сферы личности. Она свойственна не только таким выдающимся собраниям, как, например, Эрмитаж или Лувр, хранящим артефакты мировой культуры практически всех этапов ее формирования, но и локальным музейным коллекциям. Экспансия данной функции постепенно затронула одну из самых сложных социокультурных сфер современных обществ — социальную инклюзию, понимаемую как процесс реального включения в активную жизнь социума

людей с ограниченными возможностями здоровья. Сегодня формирование представлений о сути и направленности музейных инклюзивных проектов идет параллельно с осмыслением понятий «музей», «инклюзия», «личность», помещенных в контекст новейшего смыслового поля культуры.

Экзистенциальные вопросы инклюзии не ставились в современных отечественных исследованиях. Первоначально инклюзия рассматривалась преимущественно с позиций педагогики, дефектологии и социальной работы, постепенно стали укореняться взгляды специальной и коррекционной психологии. Сегодня необходимо включение инклюзии в закономерный путь развития человеческого бытия, осмысления места человека с особыми возможностями в мире культуры и практическое решение проблем его взаимодействия с социальной реальностью.

Ключевой исследовательский вопрос, на который отвечает статья: какой смысловой контекст несет в себе инклюзивная среда музея?

Экзистенциальный смысл инклюзивной культуры музея

Феномен экзистенциального переворота сконцентрирован в положении: сущность человека не пред-задана до его существования, она свободно формируется им в процессе экзистенции. Подобная формулировка прямо или косвенно прослеживается в основных произведениях экзистенциальных философов, например, М. Хайдеггера, в идеях представителей Франкфуртской школы, прежде всего Т. Адорно и Э. Фромма (Адорно 2000; Фромм 2004; Хайдеггер 1993). Внешняя интерпретация этого ключевого положения экзистенциализма сводится к тому, что до исторического этапа кризиса культуры неотъемлемой частью духовной жизни человека было «наивное» доверие некому постулату, безальтернативно трактующему «преддетерминанты» смысла бытия, и, как следствие, смысл пребывания в бытии самой личности. Происхождение исходного постулата человек под вопрос не ставил. Подобного рода доверие давало ему возможность построения собственного устойчивого и безальтернативного ряда постулатов, которые в итоге составляли экзистенциально-смысловую картину мира.

Позднее безальтернативный ряд постулатов Ж.-Ф. Лиотар интерпретирует понятием «метанарратив», которое понимается как большое повествование о происхождении, сути, направ-

ленности истории и даже вероятном финале мира. Помимо того, любой метанарратив апеллирует к некоему «неоспоримому» первоисточку, рассказ о котором доходит до слушателя через межпоколенную цепочку. Поскольку эта последовательность пересказов восходит в своем истоке к некоему первому авторитету, засвидетельствовавшему истину, сомнений в ее подлинности возникнуть не может. Адресату повествования остается только верно усвоить содержание послания о сути мира. Наконец, метанарратив трактует мир как нечто целое, в котором положение человека предстает очевидным и однозначным (Лиотар 2018).

В ходе кризиса культуры рубежа XIX–XX столетий возникает нарастающее сомнение в достоверности любого исходного постулата, а потом и уверенности, что все мыслимое о нем ранее — это лишь иллюзия. Эта первая фаза экзистенциального переворота наиболее эмоционально символизирована Ф. М. Достоевским в образе Ивана Карамазова. Однако вопреки социальным катастрофам начала XX века появляются признаки осмысления дальнейших фаз трансформации внутренней структуры личности. Здесь следует вспомнить вопрос одного из персонажей А. Камю: «Как стать святым без Бога?». Наконец, наступает третья фаза, зафиксированная представителями Франкфуртской школы. Появляется понимание, что изначальное недоверие исходному постулату обращается абсолютной свободой личности для его самопроизвольной трактовки (Адорно 2000). Следуя названию одной из центральных работ Э. Фромма «Бегство от свободы», эра духовной свободы выражает неотъемлемое право человека самостоятельно выстраивать свою нравственно-смысловую картину мира (Фромм 2004).

Однако у Фромма рассуждения о духовной свободе едва ли не затмеваются анализом причин бегства от нее. Недоверие метанарративам обернулось, по выражению М. Хайдеггера, исчезновением ответа на вопрос: «А зачем?» (Хайдеггер 1993). Крах теологического истока постуляции смысла мира предопределил право человека формировать смысл без оглядки на любые трансцендентные инстанции. Тем не менее укорененная в его внутреннем мире свобода не обрела критериев корректного распоряжения ею. Поэтому проблема самоопределения в смысле и цели личностного пребывания в бытии осталась неразрешимой. Возникшее сомнение в том, что вопрос о смысле остается вопросом ради вопроса и не более, оказалось очень трудно преодолеть. Вместе с тем человек, получивший свободу, испытал и чувство своего

бессилия. Сложившаяся ситуация неопределенности смысла повлияла на формирование личностной идентичности и процессы самоидентификации (Эриксон 1996).

В посткризисном мире нравственно-смысловое решение человека объясняется не только метанарративом, но и относительно независимой от него динамической системой личностных смыслов, отражающей субъективную картину мира (Извеков 2020). В условиях непрерывной изменчивости смысловой сферы музей как хранитель культуры заключает в себе уникальную возможность обеспечения идентичности личности. До экзистенциального переворота истина смысла верифицировалась простым усвоением его варианта, выверенного в метанарративе, а не процессом идентификации. В таком ключе решались многие вопросы, касающиеся воспитания. При этом процессы идентификации, если и играли какую-то роль, то скорее второстепенную.

В отличие от прошлых эпох, современная личностная идентичность — это не только результат, но и процесс, в ходе которого постоянно возникают и исчезают новые состояния идентичности, суждение о которых, как правило, только вероятностное. Не выявленные до сих пор обстоятельства кризисной ситуации неопределенности смысла провоцируют возникновение парадокса духовной свободы. Фактически это явление формировалось на протяжении последних полутора столетий, в течение которых «старый», «наивный» вариант формирования идентичности практически исчез из институций современных обществ. Однако ни в одной из них не решена проблема безусловного права человека реализовать свободу формирования смысла, и вопрос духовной свободы личности остается вопросом, существующим де-факто, но не де-юре. Это странное обстоятельство буквально провоцирует личность на поиск «правильного» эталона экзистенциального смысла, что в итоге приводит к возникновению ограничивающего личность идентификационного контекста (Хесле 1994).

Экзистенциальная свобода, не отраженная практически ни в одном социальном институте современных обществ, посредством процессов идентификации редуцируется личностью к свободе в контексте прагматических представлений о критериях успеха. Так возникает сфера идентификационных эталонов, которые довольно убедительны и универсальны: нормы науки определяют критерии просвещенного человека; нормы права — законопослушного, а уровень потребления материальных благ —

успешного. Значение системы экзистенциальных смыслов становится приблизительно таким же, что и содержание представлений о средствах существования, что означает ловушку — состояние нравственной зависимости личности от уровня материального потребления (Бодрийяр 1995).

Лица с ограниченными возможностями здоровья точно так же, как и все остальные, погружены в контекст кризиса духовной свободы. В следствие свойственных психофизиологических ограничений они остро нуждаются в безопасной, неагрессивной среде формирования внутреннего мира. Такой средой может стать музей как уникальная форма культуры с неисчерпаемыми личностными смыслами и широким идентификационным потенциалом.

Музей как среда социальной инклюзии

Культура всегда занимала ключевое положение среди сфер человеческого бытия, осуществляя свое уникальное назначение — сохранение духовных основ личности и общества. Концентрируя результаты жизни и деятельности всех предшествующих поколений, культура отличается чрезвычайной чувствительностью ко всему происходящему и нередко предвосхищает грядущие события. Культура насыщает индивидуальную картину мира личности общечеловеческими ценностями, универсальными жизненными установками. Диалектическое соотношение гибкости и устойчивости культурных традиций, открытость влияниям других культур и сохранение культурной уникальности каждого общества и отдельного его представителя формируют конструктивные адаптационные стратегии поведения личности при трансформации социальных процессов. Присущая культуре эстетическая составляющая способна объединять людей вопреки ментальным, сенсорным, речевым и двигательным ограничениям. Этому способствуют механизмы интуитивной интериоризации содержания окружающей реальности, поведения и разнообразных межличностных отношений в эмоционально окрашенных смысловых формах, что происходит в обход понятийному опосредованию. Приобщаясь к культуре, человек с проблемами в развитии усваивает красочную и разнообразную палитру фактов реальной жизни, а не умозрительные схемы и формулы, отвлеченные закономерности и понятия, созданные наукой или формализованным образованием. Одновременно он поднимается над утилитарной деятель-

ностью, ориентированной на узкий предметный спектр жизни.

Сегодня культура стала тем широким пространством, в котором наиболее вероятно сближение людей с разными возможностями здоровья, более осуществим потенциал создания межличностной общности и преодоления социального отчуждения. При этом сложилось несколько моделей включения лиц с ограниченными возможностями в пространство культуры.

Одна из наиболее ранних моделей может быть определена как аутсайдерская. Первоначально искусство аутсайдеров воспринималось как творчество людей с ограниченными возможностями здоровья, во многом изолированных от культурного мира. Сам художник-аутсайдер — это активный участник творческого процесса, но погруженный в свой внутренний мир. Несмотря на понятийную неоднозначность, подвижность границ и разнообразие направлений, сегодня феномен аутсайдерского искусства привлекает все большее внимание как профессионалов, так и общественности. В действительности, аутсайдерское творчество адресовано широкой аудитории и затрагивает самые разнообразные темы, в том числе инвалидизацию, картину мира людей с инвалидностью, переживаемые ими проблемы (Суворова 2020).

Еще одна модель — адаптационная — предполагает использование средств культуры для расширения адаптационного потенциала лиц с ограниченными возможностями здоровья. Культура и искусство предстают в роли внешнего контура регуляции их взаимодействия с окружающим миром. Эмпирические исследования убеждают в целесообразности такой модели. Например, средствами музыки можно повысить точность дифференциации эмоций, расширить спектр положительных эмоциональных переживаний, ослабить переживание тревоги и страхов, уменьшить эмоциональные барьеры в общении у подростков с интеллектуальными нарушениями. Благодаря погружению в музыку они приобретают навыки контроля собственных агрессивных побуждений, гибкость эмпатических способностей (Изотова 2018).

Сегодня возможна также диалогическая модель культурной инклюзии, ориентированная на использование существующих средств культуры для создания инклюзивной среды. Подобная модель максимально приближается к формальным требованиям инклюзии, связанным с целенаправленным конструированием внешних условий для лиц с ограниченными возможностями здоровья. При этом культурная среда приобретает смысл ключевого фактора,

стимулирующего межличностное взаимодействие и творческую активность всех участников инклюзивного процесса, конечным результатом которого становится диалог между ними (Посохова, Белан 2020). Надо признать, что достижение уровня диалога не всегда возможно в образовательной или трудовой практике даже при серьезных материальных и технических вложениях в архитектурные изменения среды. Инклюзивный диалог наиболее вероятен в музейном пространстве.

Безусловно, сам музей как уникальная форма культуры играет важную роль в инклюзивной практике (Щекочихина 2020). В отличие от образования и семьи, музей генерирует сведения о мире и культуре неимперативно. Предоставляемые знания с разной степенью осознания осваиваются личностью, трансформируются в индивидуальную картину мира, включаются в регуляцию поведения и социального взаимодействия. К тому же музей погружает человека в культурно-исторический процесс *arguere* с соблюдением личностных границ духовной свободы. Важно и то, что музей придает импульс к внутреннему диалогу собственного Я. Музей не только создает идентификационный спектр личности, но и дает возможность самой личности трансформировать его для конструирования новых координат самоидентификации.

Полимодалная атмосфера музея становится основой для образования личностных смысловых контекстов, без которых невозможно поступательное развитие инклюзивных процессов в обществе. Стремление наделять смыслом свою жизнь, происходящие события, личные связи с ними относятся к сущностным особенностям человека (Леонтьев 2003). Потребность в смысле — это потребность человека в понимании мира, в осознании своего места и своего назначения в нем. В основе осмысления лежит длительный и непрямолинейный процесс вовлечения не только в материальный мир, но и в мир духовной культуры с особой системой образов, эмоций и языка. Музей, задавая образную и эмоциональную систему координат осмысления мира, обогащает ее динамичной смысловой системой. Воздействие музейной среды на формирование смысловой сферы личности компенсирует «вакуум», возникший из-за сохраняющейся неопределенности духовной свободы.

Помимо смыслового контекста музей обладает мощным потенциалом создания общности людей с разными возможностями здоровья, в стирании межличностного отчуждения с помощью механизмов, возвышающих личность

над образовательными стандартами и формальными требованиями, стереотипами отношений к лицам с инвалидностью. Общность создается преодолением психологических и физических дефицитов, которые в разной мере присущи лицам с нарушенными возможностями. Музей актуализирует внутреннюю социальность человека (Адлер 2002), которая не всегда может осознаваться и проявляться в обыденной жизни. Присутствие в музее одновременно с другими людьми, соприкосновение с творческой и практической деятельностью людей углубляет базовое доверие к жизни, реальному миру и себе. Музей актуализирует интуитивную уверенность человека в своей безопасности и защищенности, в доброжелательности мира по отношению к нему, гарантирует обязательный отклик окружающих на актуальные и перспективные потребности (Гуриева, Харитоновна 2017).

Музей — это действительно толерантное пространство, в котором возможно единовременное существование многочисленных разнообразий. В нем отсутствуют табу на восприятие шедевров искусства по национальному, социальному, религиозному, образовательному или любому другому дифференцирующему людей признаку. Музейный мир — по многим признакам безбарьерный. В нем в художественной форме закреплены нравственные координаты взаимодействия между людьми, которые благодаря механизмам проекции и интроекции регулируют поведение уже в реальных условиях жизни. Помимо этого, исключительно ценная особенность музея заключается в том позитивном эмоциональном фоне, который необходим для коммуникации между людьми, для понимания друг друга и взаимного доверия, без чего невозможна человеческая общность.

Музей — это уникальное пространство для инклюзивного диалога. Диалог между людьми с разными возможностями здоровья в едином пространстве музея подчиняется общим закономерностям возникновения и развития социально-психологического взаимодействия. Общекультурные признаки диалога широко представлены в научных трудах (Бахтин 1986; Бубер 1995; Ухтомский 2002). К таким признакам относятся смещение эгоцентрической доминанты на лицо другого, готовность понимать состояние и чувства другого, эмоциональная открытость, искреннее выражение собственных переживаний, безоценочность высказываний, взаимное доверие. Помимо этого, инклюзивный диалог содержит в себе специфические признаки, обусловленные соединением в едином событии разных социальных и психофизиоло-

гических реальностей, и приобретает новый смысл, который требует исследования.

Эмпирическое исследование смыслового контекста инклюзивной среды музея

Сегодня практика организации инклюзивных музеев постоянно расширяется. Несмотря на этот в целом прогрессивный процесс, практически не раскрыта роль инклюзивной среды музеев в формировании личного смысла инклюзии участников музейной коммуникации. Частично эта роль получила освещение благодаря впервые организованной Государственным Эрмитажем выставке «Незримое искусство: расширяя границы возможного» и психологическому анализу некоторых ее аспектов.

Уникальность выставки — в визуальной и тактильной доступности экспонатов для посетителей с ограниченными возможностями здоровья и без таких ограничений. Модели конструировались на основе оригинальных современных технологий как объемные, доступные активному осязанию и позволяющие ощутить все тонкости рельефа изображения, текстуру аутентичного материала и технику исполнения. Демонстрировались специально созданные тактильные модели мировых шедевров. В частности, живописный автопортрет Рембрандта из собрания Лейденской коллекции (США), отдельные сцены из настенной живописи «Битва Амазонок» с городища древнего Пенджикента (современный Таджикистан), фрагменты древнейшего из ныне известных войлочных ковров пазырыкского могильника IV–III вв. до н. э. (современный Алтай), а также войлочная фигурка лебедя — предмета быта жителей древнего Алтая. Тактильные модели были доступны всем посетителям музея, которые хотели прикоснуться к объемным экспонатам, чтобы ощутить материал и дополнить свои зрительные образы.

Инновационный характер выставки заключается не только в разнообразии демонстрируемых жанров изобразительного искусства, материалов и форм. Помимо этого, создавалась редкая возможность осмотра экспонатов лицами с различными нарушениями, включая зрительные, слуховые, ментальные, двигательные. В частности, высота витрин была подобрана с учетом комфортного визуального и тактильного доступа посетителей в инвалидных колясках, а также для слепых с собаками-поводырями. Выставка воплотила в себе ряд современных технологий дополненной реальности. Так, была

организована виртуальная экскурсия, использовалась 3D-модель экспонатов, около экспонатов располагались QR-коды для посетителей с ослабленным слухом. Глубокий метафорический смысл настенной пенджикентской живописи раскрывали красочные звуковые мультипликационные фильмы, сопровождающие демонстрацию экспонатов.

Смысловой контекст выставки определялся на основании анализа отзывов, которые были оставлены посетителями в выставочном зале Главного штаба в период с 12.11.2021 г. по 17.07.2022 г. Написанный отзыв рассматривался как своеобразная рефлексия, превращающая непосредственное восприятие экспонатов в лично значимое событие, в котором Я-системы личности способны идентифицировать уникальные особенности личности и жизни других людей, до сих пор нередко воспринимаемых обществом как «инаких», «особых».

Было проанализировано 104 отзыва случайной выборки посетителей разного возраста, пола и места проживания, профессионального статуса. Отзывы были оставлены как обычными посетителями, так и посетителями с нарушениями зрения, что указывалось некоторыми из них в записях. Кроме персональных отзывов, встречались групповые, например, от учителей и воспитателей школ, сотрудников банка и координационных центров, туристов из разных городов. Во внимание принимались отзывы на русском языке, в которых посетители указывали название выставки или ее содержание, персонально организаторов, номер выставочного зала, описывали конкретные экспонаты.

Содержательные особенности восприятия и осмысления выставки, личного отношения к ней, возникающие переживания и смыслы, побуждения определялись на основе контент-анализа отзывов. Согласно его результатам, речевые конструкты, которыми описывалась выставка в отзывах, обширны и разнообразны. Удалось извлечь употребляемые с разной частотой 23 ее определения, которые отражают ряд смысловых контекстов видения выставки посетителями, в том числе аксиологический, инклюзивный, уникальный, сенсорный, эмоциональный, познавательный и эстетический.

Ценностный смысл выставки наиболее рельефно раскрывается в благодарностях, содержащихся в отзывах. Аксиология благодарности передает наиболее существенные для личности моменты восприятия окружающей реальности, которыми личность делится с другими, с помощью которых она присоединяется к другим и в то же время присоединяет к себе

других. Такое взаимодействие сглаживает различия между зрячими и незрячими, определенным образом уравнивает их, что является основой инклюзии. Подобные отзывы составляют значительную часть записей — 44%. Благодарности касаются как самого проекта, так и непосредственно инклюзивной направленности выставки. Посетители благодарят за возможность всех без исключения прикоснуться к искусству, за расширение границ его доступности для всех. Благодарность вызывает сам факт «*появления инклюзии в профессиональных музеях*», «*внимание к незрячим*», «*перевод искусства на язык Брайля*». Благодарности адресуются также и конкретным организаторам, и кураторам выставки, которые смогли соединить «*историю и современные технологии*».

Ценностный смысл выставки, ее позитивное социальное звучание демонстрирует также выраженное в отзывах побуждение транслировать содержание выставки и качественные особенности отдельных экспонатов близким и знакомым, желание посетить выставку еще раз, но уже с детьми и внуками, учениками. В некоторых отзывах посетители отмечали, что специально приехали посмотреть выставку из других городов. В ряде отзывов выражено сожаление о поздно полученной информации об открывшейся выставке, о недостаточной рекламе.

Поставленный во главу угла инклюзивный смысл в полной мере был воспринят и принят посетителями выставки, что отражают определения «*инклюзивная*», «*чуткая к незрячим*», «*инклюзивный проект*». Различные нюансы инклюзивного контекста представлены в 38% отзывов. Безусловная ее ценность в том, что удалось передать основной смысл инклюзии — объединение людей с разными возможностями здоровья в специально подготовленной среде музея. В содержании отзывов отчетливо прослеживается роль выставки в формировании общности людей, возникающие точки их сближения и взаимного понимания. В одном из отзывов написано: «*Все люди — уникальны, каждый — “ин-див-ид”, важно помнить об этом, когда говорится слово, которое отличается на три центральные буквы “ин-вал-ид”. Искусство — то, что способно убраться то, что несут в себе эти буквы. Важно включать всех в “мы”. Спасибо, что расширяете границы “мы”*».

Инклюзивная выставка воспринимается событием, расширяющим границы социального взаимодействия и познания мира тех, кто имеет сенсорные ограничения. Например, это выставка, «*где можно слепому увидеть, не слышащему услышать и понять задумку мастера*».

Объединяющий смысл выставки в том, что она затрагивает также лиц без зрительных нарушений. Экспозиция побуждает к новому опыту тех, кто обладает возможностью видеть: «*Прошла с закрытыми глазами сама. И почувствовала все много шире и глубже*», «*Взглянула на мир под другим углом! Не задумывалась о восприятии мира через кончики пальцев, текстуру материала*». Обычные посетители обращаются к собственному Я через идентификацию с теми, у кого нарушено зрение. В одном отзыве написано «*У нас, привычных воспринимать зрением, “глупые руки”, на осязание мы полагаемся мало — в отличие от незрячих. Мне было интересно “посмотреть руками”*». Выставка обогащает мировосприятие здоровых людей, затрагивает мировоззрение в целом. Происходит неожиданный разрыв круга привычных представлений о мире и о себе. В отзывах можно прочесть «*Человеку со зрением эта выставка показывает мир по-новому*» или «*Выставка меняет нас*», и далее «*Выставка напоминает о том, каким счастьем мы обладаем. Многие предметы без взгляда ни них остаются непонятными (например, рисунки на коврах, чувствуются лишь основные объемы, а весь мелкий узор остается недоступным, а ведь именно важен нам). Отдельное удовольствие потрогать Рембрандта за нос*». Не случайно, что некоторые посетители записывали отзывы в стихотворной форме, цитировали Библию.

Ценностный и объединяющий смыслы углубляются, когда посетители отмечают необычность выставки: «*уникальная*», «*необычная*», «*особенная*». Уникальность выставки в том, что «*в одном зале открывается целый мир: древнее искусство, почти оживает Рембрандт и самые передовые технологии*». Выставка воспринимается «*оригинальной*», «*прорывной*», «*новая веха в развитии музея*», поскольку создает единое ощущение от влияния портрета гениального художника, коврового искусства, художественного чтения басен, мультипликации на посетителей с разными возможностями здоровья.

В замысле выставки и ее практической реализации естественным образом акцентируется сенсорная сфера личности. Выставка компенсирует нарушенную психологическую и физиологическую оптику за счет возможностей активного осязания. Среди уникальных признаков выставки часто подчеркивается возможность прикоснуться к экспонатам. Тем самым высвобождается богатая гамма тактильных ощущений. О своеобразном высвобождении тактильности от контроля зрения писали 23% оставивших отзывы. Именно тактильные ощущения создают

особые переживания. Посетители признавались, что «ощущение от ощупывания другое, чем при просмотре глазами». Тактильные образы, которые возникали особенно при закрытых глазах, сближали зрячих посетителей с незрячими, расширяли зону их невербальной совместимости. Аналогичные переживания возникали у лиц с ментальными нарушениями. Активизация разных сенсорных каналов позволила этой категории посетителей, преимущественно подростков, воспринимать материал выставки целостно и разносторонне, причем на фоне позитивных эмоциональных состояний. Среди их специфических высказываний были такие: «самое интересное — это древности», «когда трогаю, перед глазами свой мультфильм происходит».

Хотя эмоциональный, познавательный и эстетический смыслы вряд ли можно отнести к числу уникальных для этой выставки, тем не менее они составляют значительную часть в отзывах. Эмоциональное воздействие экспозиции подчеркивают такие определения, как «трогательная», «трогательная до слез», «потрясающая», «поразительная», «большой подарок в унылое и тревожное время», а также сленговые «круто», «очень круто». Позитивный смысл выставки усиливают эмоции, переживаемые посетителями во время знакомства с экспонатами. В 27% отзывов упоминаются радость, удовольствие. При этом радость — это не только личная эмоция посетителя. Некоторыми радость переносится и на тех «людей, которые смогут прикоснуться к этой красоте и древности».

Познавательный смысл выставки раскрывается в определениях «познавательная», «удивительная», «полезная». Подобные отзывы составляют 19%. Примечательно, что выставка побуждает к расширению общекультурного кругозора. В отзывах посетители сами ставят вопросы, касающиеся увиденного, и пытаются самостоятельно найти на них ответы.

Эстетическое воздействие выставки выражается определениями «прекрасная», «красивая», «чудесная». Подобный контекст встречается в 8% отзывов.

Отзывы содержат также критические замечания, которые касаются в основном недостаточной рекламы для специалистов, работающих в сфере инклюзии, недостаточного количества экспонатов, выбора материала для объемного портрета Рембрандта. Такие реакции составляют 7% отзывов. Откровенное неприятие идей выставки, отвержение инклюзивной ее направленности отсутствуют.

Таким образом, проведенный контент-анализ книги отзывов демонстрирует многомерность смыслового контекста инклюзии. Доминирующее положение в нем занимают позитивные признаки музейной инклюзии как для лиц с ограниченными сенсорными возможностями, так и для лиц без нарушений. Объединяются эти смысловые тенденции благодаря актуализации механизмов идентификации и самоидентификации прежде всего тех, кто обладает нормально функционирующей сенсорной системой. Этот факт — не что иное как отражение готовности к сближению в среде музея лиц с разными возможностями здоровья.

Обсуждение результатов

В современных социокультурных условиях предельно обострилась проблема межличностной интеграции. В этом направлении особую значимость приобретают поиски места в пространстве жизни, где возможно безбарьерное существование огромного человеческого разнообразия. Для лиц с ограниченными возможностями здоровья комфортной средой ставится музей, активно реализующий свой инклюзивный потенциал в виде соответствующих постоянных или временных выставок.

Проведенный экзистенциальный анализ и эмпирическое исследование позволяют определить суть инклюзивной среды музея. Это все музейные формы и каналы демонстрации культурных артефактов, специально организованные с учетом особых психологических, сенсорных и физических потенциалов лиц с ограниченными возможностями здоровья, обеспечивающие безбарьерный доступ к взаимодействию с ними всех участников музейной коммуникации на равных условиях. К числу ключевых функций инклюзивной музейной среды относится формирование смыслового контекста инклюзии, сближающего лиц с разными возможностями здоровья.

Выставка «Незримое искусство: расширение границ возможного» демонстрирует востребованность и целесообразность конструирования инклюзивной среды в музеях. Несущая в себе определенное сочетание личностных смыслов, выставка раскрывает осознанную на индивидуальном уровне сущность инклюзии и тем самым сближает людей с разной сенсорной, интеллектуальной и личностной организацией, с разным опытом взаимодействия с миром. Безусловно, выставка содержит в себе неисчерпаемый и еще недостаточно оцененный научный потенциал. Она обогащает исследователей методическими

инновациями в области перцепции, в том числе социальной. В ней заложен стимул к углублению роли сенсомоторной организации человека в осмыслении жизни и культуры. Не менее значим социальный потенциал этой выставки — создание основы для развития инклюзивной культуры как уникальной формы человеческой культуры в целом. В этом процессе продуктивно объединение различных специалистов: реставраторов, искусствоведов, IT-специалистов, философов, психологов, сотрудников специализированных библиотек.

Сегодня музейная инклюзивная культура находится в состоянии зарождения предметного содержания, принципов и эмпирического подтверждения. В то же время она не может не опираться на эволюцию представлений о существовании человека в мире, в том числе и в мире культуры. В этих условиях инклюзивная функция музея приобретает сверхважное значение.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The authors declare that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Соответствие принципам этики

Авторы сообщают, что при проведении исследования соблюдены этические принципы, предусмотренные для исследований с участием людей и животных.

Ethics Approval

The authors report that the study complied with the ethical principles for research involving humans and animals.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в подготовку рукописи статьи.

Author Contributions

The authors have made an equal contribution to the preparation of the manuscript of the article.

Литература

- Адлер, А. (2002) *Очерки по индивидуальной психологии*. М.: Когито-Центр, 220 с.
- Адорно, Т. В. (2000) *Проблемы философии морали*. М.: Республика, 239 с.
- Бахтин, М. М. (1986) К философии поступка. В кн.: И. Фролов (ред.). *Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1984–1985*. М.: Наука, с. 80–160.
- Бодрийяр, Ж. (1995) *Система вещей*. М.: Рудомино, 168 с.
- Бубер, М. (1995) *Два образа веры*. М.: Республика, 464 с.
- Гуриева, С. Д., Харитоновна, Т. Ю., (2017) Особенности музейной коммуникации: оправданность ожиданий и удовлетворение эстетической потребности (на примере посетителей музея). *Современные исследования социальных проблем*, т. 8, № 8, с. 41–58. <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2017-8-41-58>
- Извеков, А. И. (2020) После теологии: проблема духовной свободы в «постматериальных» обществах. *Научное мнение*, № 10, с. 10–17. <https://doi.org/10.25807/PBH.22224378.2020.10.10.17>
- Изотова, М. Х. (2018) Развитие эмпатии подростков с легкой степенью умственной отсталости средствами музыкальной терапии. *Проблемы современного педагогического образования*, № 58-1, с. 317–322.
- Леонтьев, Д. А. (2003) *Психология смысла: природа, строение, динамика смысловой реальности*. М.: Смысл, 486 с.
- Лиотар, Ж.-Ф. (2018) *Феноменология*. М.; СПб.: Институт Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 472 с.
- Посохова, С. Т., Белан, Е. Е. (2020) *Психология инклюзии: Диалог детей с разными возможностями здоровья*. СПб.: СПбГУ, 172 с.
- Суворова, А. (2020) *Аутсайдерское искусство в России: тенденции, темы, образы*. М.: Городец, 160 с.
- Ухтомский, А. А. (2002) *Доминанта*. СПб.: Питер, 448 с.
- Фромм, Э. (2004) *Бегство от свободы. Человек для себя*. М.: Изида, 398 с.
- Хайдеггер, М. (1993) *Время и бытие: статьи и выступления*. М.: Республика, 445 с.
- Хесле, В. (1994) Кризис индивидуальной и коллективной идентичности. *Вопросы философии*, № 10, с. 112–123.
- Щекочицина, М. (2020) Понимание и реализация инклюзии в российских музеях. *The Garage Journal: исследования в области искусства, музеев и культуры*, № 1, с. 98–123. <https://doi.org/10.35074/GJ.2020.1.1.008>
- Эрикссон, Э. (1996) *Идентичность: Юность и кризис*. М.: Прогресс, 340 с.

References

- Adler, A. (2002) *Ocherki po individual'noj psikhologii [Essays on individual psychology]*. Moscow: Kogito-Tsentr Publ., 220 p. (In Russian)
- Adorno, T. W. (2000) *Problemy filosofii morali [Problems of moral philosophy]*. Moscow: Respublika Publ., 239 p. (In Russian)
- Bakhtin, M. M. (1986) K filosofii postupka [Towards the philosophy of action]. In: I. Frolov (ed.). *Filosofiya i sotsiologiya nauki i tekhniki. Ezhegodnik 1984–1985 [Philosophy and sociology of science and technology. Yearbook 1984–1985]*. Moscow: Nauka Publ., pp. 80–160. (In Russian)
- Baudrillard, J. (1995) *Sistema veshchej [The system of things]*. Moscow: Rudomino Publ., 168 p. (In Russian)
- Buber, M. (1995) *Dva obraza very [Two types of faith]*. Moscow: Respublika Publ., 464 p. (In Russian)
- Erikson, E. (1996) *Identichnost': yunost' i krizis [Identity: Youth and crisis]*. Moscow: Progress Publ., 340 p. (In Russian)
- Fromm, E. (2004) *Begstvo ot svobody. Chelovek dlya sebya [Escape from freedom. A man for himself]*. Moscow: Izida Publ., 398 p. (In Russian)
- Gurieva, S. D., Kharitonova, T. Yu. (2017) Osobennosti muzejnoj kommunikatsii: opravdannost' ozhidaniy i udovletvorenie esteticheskoy potrebnosti (na primere posetitelei muzeya) [The features of museum communication: the justification of expectations and the satisfaction of aesthetic need (on the example of the museum visitors)]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem — Society of Russia: Educational space, psychological structures and social values*, vol. 8, no. 8, pp. 41–58. <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2017-8-41-58> (In Russian)
- Heidegger, M. (1993) *Vremya i bytie: stat'i i vystupleniya [Time and Being: Articles and speeches]*. Moscow: Respublika Publ., 445 p. (In Russian)
- Höfle, V. (1994) Krizis individual'noj i kollektivnoj identichnosti [The crisis of individual and collective identity]. *Voprosy filosofii*, no. 10, pp. 112–123. (In Russian)
- Izotova, M. Kh. (2018) Razvitiye empatii podrostkov s legkoj stepen'yu umstvennoj otstalosti sredstvami muzykal'noj terapii [Development of empathy of adolescents with a mild degree of mental retardation by means of music therapy]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya — Problems of Modern Pedagogical Education*, no. 58-1, pp. 317–322. (In Russian)
- Izvekov, A. I. (2020) Posle teologii: problema dukhovnoj svobody v “postmaterial'nykh” obshchestvakh [After Theology: The issue of spiritual freedom in “postmaterial” societies]. *Nauchnoe mnenie — The Scientific Opinion*, no. 10, pp. 10–17. <https://doi.org/10.25807/PBH.22224378.2020.10.10.17> (In Russian)
- Leontiev, D. A. (2003) *Psikhologiya smysla: priroda, stroenie, dinamika smyslovoj real'nosti [Psychology of meaning: Nature, structure, dynamics of semantic reality]*. Moscow: Smysl Publ., 486 p. (In Russian)
- Liotard, J.-F. (2018) *Fenomenologiya [Phenomenology]*. Moscow; Saint Petersburg: Gaidar Institute Publ.; Faculty of Liberal Arts and Sciences of Saint Petersburg State University Publ., 472 p. (In Russian)
- Posokhova, S. T., Belan, E. E. (2020) *Psikhologiya inklyuzii: Dialog detej s raznymi vozmozhnostyami zdorov'ya [Psychology of inclusion: Dialogue of children with different health opportunities]*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University Publ., 172 p. (In Russian)
- Shchekochikhina, M. (2020) Ponimanie i realizatsiya inklyuzii v rossijskikh muzeyakh [Understanding and implementing inclusion in Russian museums]. *The Garage Journal: issledovaniya v oblasti iskusstva, muzeev i kul'tury — The Garage Journal: Studies in Art, Museums and Culture*, no. 1, pp. 98–123. <https://doi.org/10.35074/GJ.2020.1.1.008> (In Russian)
- Suvorova, A. (2020) *Autsaiderskoe iskusstvo v Rossii: tendentsii, temy, obrazy [Outsider art in Russia: Trends, themes, images]*. Moscow: Gorodets Publ., 160 p. (In Russian)
- Ukhtomskij, A. A. (2002) *Dominanta [Dominant]*. Saint Petersburg: Piter Publ., 448 p. (In Russian)